

Анна Яковлева

В ОДИН "КЛИК"

современная православная проза

12+

Анна Яковлева
В один «клик»

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Яковлева А. Я.

В один «клик» / А. Я. Яковлева — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-532-08662-3

Повесть затрагивает животрепещущие вопросы: к чему может привести знакомство в интернете, можно ли обойти свой крест, который вырастает из сердца. К чему приводит легкомыслие и своеволие. «Работа мне показалась интересной, читалось легко, сюжет захватил,- ответила редактор крупного издательства,- но тема психиатрии, душевных болезней и т.п. для нашего издательства достаточно скользкая и священноначалие пока не благословляет подобные книги". Пока издательства отвергают повесть, миллионы юношей и девушек ищут пару на сайтах знакомств и совершают непоправимое.

ISBN 978-5-532-08662-3

© Яковлева А. Я., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Вместо предисловия.	5
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	14
Глава 5	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Вместо предисловия.

Братьям Стругацким принадлежит замечательная фраза: «Ничего нельзя придумать. Все, что ты придумываешь, либо было придумано до тебя, либо происходит на самом деле». Так и есть.

В основу повести «В один «клик» легла реальная история, произошедшая «на самом деле» и длящаяся в настоящий момент.

Больше того, повесть можно назвать документальной, поскольку я использовала сохранившуюся переписку героев в Скайпе и в WhatsApp. По понятным причинам имена героев изменены. Это единственное отступление от действительности.

Известные православные издательства, куда я отсылала повесть, ее отвергли. Вот одна из рецензий: "...рукопись добротная, читается интересно, но тема психиатрии, душевных болезней и т.п. для нашего издательства достаточно скользкая, и священноначалие пока не благословляет подобные книги".

А в это время тысячи, миллионы парней и девушек совершают непоправимое.

На момент нашего знакомства героиня повести – Вероника – состояла на учете в клинике психозов.

Не скрою, неадекватная Вероника породила во мне страх и панику. Из чувства самосохранения хотелось держаться от девушки как можно дальше.

Но проходило время, спрятаться и отсидеться не получалось. Приходилось участвовать в судьбе Вероники и молиться о ней. И наступило переосмысление.

Через болезнь Вероники открылся Господь, как в Евангельской притче о слепорожденном: «Не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нем явились дела Божии».

Родители Вероники, атеисты по убеждению, в последней надежде пришли за помощью к Богу. А те из ближних, кто веровал в Бога, только укрепился в вере. Не это ли «дела Божии»?

За то время, что мы молимся о Веронике, ее диагноз менялся трижды: от шизофрении к диссоциативному расстройству идентичности, от диссоциативного расстройства идентичности к биполярному расстройству или маниакально-депрессивному психозу. Как говорится, все одинаково приятно, но и в этом тоже видится промысел Божий: состояние Вероники меняется.

Психиатрия добилась значительных результатов в реабилитации пациентов с отклонениями. Больной, страдающий раздвоением личности или биполярным расстройством, под действием препаратов кажется почти нормальным, почти здоровым человеком. Это не означает, что его психическое здоровье приходит в норму. Это означает только, что он не опасен для самого себя и для окружающих.

В стадии ремиссии такие больные могут обходиться без препаратов. Как правило, весной и осенью болезнь обостряется, и все начинается заново, только на новом витке.

Психиатры в один голос уверяют, что болезнь Вероники – это ее характер. Суть характера Вероники составляют самолюбие и тщеславие, то есть отсутствие смирения.

По самому оптимистичному прогнозу, только отказ от страстей приведет Веронику к смирению тире излечению. Кто сказал, что это легкий путь?

Другой вопрос: откуда берется характер, который ведет в клинику неврозов?

Нужно иметь мужество, чтобы признать: виноваты мы, родители.

Таковы плоды нашего воспитания. Без Бога нашим детям прямой путь в клинику неврозов.

Но все, что не смогли дать детям мы, родители, даст нашим чадам Господь за нашу веру и слезы, по Своему милосердию. Веруйте, мои дорогие.

Автор.

Всем сыновьям посвящается...

*«...сила Моя совершается в немощи».
(2Кор. 12:7–9).*

Глава 1

...В голове пусто.

С застывшей вежливой улыбкой на физиономии я сижу перед экраном компьютера и перевожу взгляд с сына на незнакомку. За их спинами виднеется чужой кожаный диван, темный рисунок обоев... Какие-то постеры на стене...

«Неужели у сына появилась девушка? Ни слова не сказал, что познакомился. Почему?».

По здравом помышлении новость следовало признать хорошей: сыну Сергею через месяц исполняется двадцать восемь лет. Добровольный целибат, который он нес, выглядел уже подозрительным. Родственники переглядывались, знакомые шептались за спиной... На самом деле неисповедимо: парень образованный, интересный собеседник, хорош собой...

На этой почве с сыном у меня в последнее время не ладится. Он винит меня в том, что я не нашла ему невесту лет этак десять назад.

В возрасте пяти лет сын был очарован златокудрой Либуше Шафранковой в фильме «Три орешка для Золушки». С тех пор кудрявые девушки не оставляют его равнодушным. Правда, без взаимности, в точном соответствии с байкой: «Солдат, ты девок любишь? Люблю. А они тебя? И я их». А тут сияющая мордашка в обрамлении кудряшек, пухлые щечки... просто воплощение детской мечты... Так что Кудряшка в скайпе – очевидная удача.

Но вопреки здравому смыслу где-то в области солнечного сплетения, как цунами на дне океана зарождается недоверие с примесью холодного страха. Страх и недоверие едва не побеждают воспитание.

– Мам, это Вероника, – басит сын.

Хм. Сын знакомится с Вероникой... Меня зовут Виктория. «Победоносная» и «Победа»? «Значит, все-таки наша девочка?» – уговариваю себя я.

Идет вторая седмица по Пасхе. Терять благостное настроение не хочется, и я гоню страхи и сомнения... И говорю то, что говорю:

– Где же ты была, моя хорошая? Мы так долго тебя ждали.

Победоносная Ника красиво откидывает голову и польщенно смеется.

... У Сергея было две мечты, и обе знойные: изучать историю и сценариистику, чтобы совместить их в документальном кино. В России мечта дорогостоящая, почти неосуществимая. В России. Но не в Германии.

Три года Сережа вкалывал на свою мечту в старательской артели.

В два захода получил сертификат на знание немецкого языка.

Наконец, университеты Мюнхена и Потсдама прислали приглашение... Выбор кружил голову. «...Счастье было так возможно, так близко...», и вдруг...

Посольство Германии отказывает Сергею в студенческой визе.

Отказывает с формулировкой, которая позабавила бы любого правозащитника: «Возможно, Вы намереваетесь остаться в Германии...».

Известие это обрушилось на нас, как камнепад. Что-то в мироздании пошатнулось. Земля уплыла из-под ног. Вопрос «Что делать?» занял первую строчку в рейтинге.

Выбор был не богатый: либо соглашаться на четвертый сезон в тайгу и возвращаться в старательскую артель, либо... Либо пополнить список завоевателей столицы.

В тайгу Сергей не хотел. Я разделяла его отвращение: полу-уголовное окружение, мат, ежедневный суп из селедки и повальное увлечение более чем сомнительным видео... Но и в Москву сына отпускать было страшно.

Сын выказал твердость:

– В Москве я скорее добьюсь того, что хочу,– уверял он не столько меня, сколько себя.

И я не посмела возразить взрослому сыну. Личность, свобода воли, разума, выбора – вся эта галиматья пустила яд у меня в крови.

И мой сын уехал в Москву. Да. В Москву. В этот Вавилон, прости меня, Господи.

... Москва оказала сыну классический прием. Если у Александра Вертинского украли чемоданы прямо на вокзале, то Сергея в метро обчистил карманник.

Что ни говорите, а это было предостережение. Но мы... Но я...

Я молилась. Молилась слезно, страстно – так, как я понимала молитву матери о сыне. Молилась и верила в спасительную помощь.

Сергей не сдавался, проходил рутинную процедуру адаптации.

Днем искал работу. По вечерам ездил на курсы какой-то сложной компьютерной программы по экономике...

Рассылки резюме, собеседования, опять рассылки резюме и собеседования, собеседования, собеседования. Не забывал, ходил в церковь.

Месяц заканчивался, деньги таяли. Туда, куда хотел Сергей, его не брали, а туда, куда брали, не хотелось ему.

И вдруг звонок. Предложили место мелкого чиновника в мутной структуре, подконтрольной Министерству финансов.

Зарплата – меньше не бывает, но Сергей ухватился за место, лишь бы не возвращаться в артель. Тем более, предложение казалось перспективным. И единственным приличным.

«Главное зацепиться, и все будет. Москва же! Возможности же неограниченные!»,– говорил он.

Что правда, то правда. Возможности неограниченные. Только возможности эти не у нас – у Господа нашего.

... Работа у Сергея оказалась скучной: внутренний контроль над исполнением поручений. Инспектор инспекторского отдела. Такой «воспитатель воспитательниц». Мытарь, одним словом.

Мелкая должность и мелочность должностных обязанностей, инструкций и формуляров показались благом Сергею. Любовь к истории и сценаристике, желание совместить оба любимых дела крепили с каждым днем.

Сергей записался на курсы режиссуры.

Насыщенная информацией и впечатлениями жизнь закончилась через несколько месяцев, и оказалось, что мечта не приблизилась. Вильнула хвостом и исчезла. Обманула.

Сергей пытался справиться с одиночеством. По воскресеньям ездил в Даниловский монастырь, прикладывался к сапожку чудотворца Спиридона Тримифунтского, просил интересную работу. Исповедался и причащался. На зимних каникулах съездил в Иерусалим. Но вера в промысел Божий была еще слабой, и паломник из Сергея вышел весьма посредственный. Однако...

Уже через четыре месяца после его жалобы в пещере пророка Илии жизнь преподнесла сыну Победоносную Нику...

Глава 2

... Недоверие не исчезает, напротив – крепнет после разговора с Победоносной.

– Чем ты занимаешься? – Это я.

– Я пока ничем не занимаюсь. Дома пока. – Это Вероника.

– Вероника окончила театральный институт. – Выдает справку сын Сергей.

– Да-а? – Силуюсь удержать лицо – оно у меня вытягивается.

Вероника подтверждает:

– Да. Пять лет училась в институте. – Она останавливается на полуслове, будто задумывается. – Пыталась устроиться в театр, но меня не взяли. Сказали, типаж не тот.

«Типаж романтической барышни», – мысленно комментирую я.

Речь Вероники мне кажется замедленной. Она как будто погружена в себя.

– У меня был парень, но мы расстались. – Нику явно тянет на откровенность. – Он вел себя отвратительно, изменял мне. Я бросила его. Я в церковь ходила, исповедалась в этом.

Откровенность Ники мне кажется излишней. Со дна души, как болотный пузырь, снова поднимается беспокойство.

Тот факт, что Ника исповедалась, не заглушает тревоги. Насколько я знаю, сын мечтал найти девственницу.

Мне очень хочется остаться один на один с Сергеем и расспросить в подробностях, где он подцепил безработную актрису. Плавню подвожу сына к мысли о том, что в гостях хорошо, но пора и часть знать.

– Не засиживайся сынок.

– А мама с папой на даче, – успокаивает меня Кудряшка, – мы никому не мешаем.

– Мам, мне их дом напоминает наш. – В голосе у сына ностальгическая нотка. – Кухня особенно. Такой же круглый стол, как у нас был...

Я испытываю укол совести.

Понятия «дом» после развода с отцом Сергея утеряно навсегда. Дома нет. Ни ментального, ни материального. В смысле, собственного жилья у нас нет.

– Сережка, – со значением говорю я, – тебе завтра на работу.

Руководить сыном из другого города трудно. А сейчас он совсем отказывается соображать.

– А пусть Сережа остается, – вносит предложение Ника. – На работу поедет прямо от меня.

Приглашение с душком...

– Ну, это как-то совсем уж... неудобно, – с кислой миной бормочу я. – Вряд ли твои родители будут в восторге.

– У меня очень добрые родители, – объявляет Кудряшка, не подозревая, как двусмысленно это звучит.

Перспектива остаться под мягким и теплым боком Кудряшки приводит сына в восторг. Мой пессимизм сын списывает на совковое воспитание.

– Да че ты, мам?

– А рубашка? – хватаюсь я за соломинку.

– А мы постираем, – выходит из затруднения победоносная Ника. – Правда, я не знаю, как включается машинка. Но я позвоню маме и узнаю.

Болотные пузыри стартуют один за другим...

Первая попытка вырвать сына из жарких объятий столичной дивы терпит провал.

... Поговорить с сыном с глазу на глаз, без посторонних удастся не скоро. Проходит неделя, прежде чем сын снова появляется в скайпе из своей съемной квартиры.

Чувствуется, что в Сергее поселилась... еще не тревога, но маята. Что-то грызет его. Исчезла прелесть новых запретных удовольствий? Не слишком ли скоро...?

– Ма,– Сергей мрачнеет.– Ника сказала, что у нее после первого парня был нервный срыв, и сейчас она на антидепрессантах. Проходит курс лечения. Ей еще полгода лечиться, потом дозировки снизят.

– Ах, бедная,– после минутного шока говорю я. Вот откуда задержанные реакции и погруженность в себя.

Мне хочется утешить сына. Еще хочется, чтобы он был счастлив. И еще...

Еще меня трогает история Ники. В двадцать один год сидеть на антидепрессантах после разрыва с первым парнем... Это говорит в ее пользу. Или нет?

– И познакомиться из-за этого она ни с кем не может. Пришла на встречу с парнем в кафе, он увидел, как у нее руки дрожат, встал и ушел.

Мне жаль девушку, но я не даю себе отвлекаться.

– А где ты с Никой познакомились?

– В интернете,– звучит безмятежный ответ.

– Как в интернете?– Идею знакомства через интернет мы обсуждали. Я не одобряла ее. Настойчиво вдавливая в голову сыну мысль, что надо искать невесту в церкви. В самом крайнем случае – на православном сайте.

– А так! В интернете. На сайте творческих профессий.

– Очень креативно.

«Ку-ку»,– пищит мэйл-агент, и через полминуты я рассматриваю фотосессию Вероники.

На фотографиях славная девчушка с копной кудрявых волос – Вероника три года назад. Это несколько отличается от того, что я видела в скайпе: за эти годы Вероника сильно поправилась. Килограммов на двадцать...

Я в легкой панике от выбора Сергея. Но что сделано, то сделано.

– А Вероника из православной семьи?

– Она сказала, из православной.

– А когда вы познакомились?

– Перед Пасхой.

– А на Всенощной были вместе?

– Нет,– отвечает сын.– Она с родителями была на даче.

Странность эта царапает меня, но я не даю сомнению разрастись.

– Там, конечно, в деревне где-нибудь поблизости есть церковь.

– Не знаю, ма.

– А какие у Вероники глаза, какое выражение?

– Не помню.

– Присмотрись, сынок. Это о многом тебе скажет. В воскресенье ты был в храме?

– Нет,– звучит ответ, от которого у меня сжимается сердце.– Мы с Вероникой проспали.

Мелькает пророческая мысль: «Вот оно. Начинается...».

... На Троицу мои сомнения сменяются уверенностью, что девушка-таки «наша».

– Мы были на службе,– бодро сообщает Ника.

Сердце мое превращается в воск, тает и растекается лужицей.

– Хорошо, молодцы,– радуюсь я.

– Представляете! Я первый раз в жизни в церкви на колени вставала!– Из горла Кудряшки вырывается смешок.

Смешок девушки неуместен, и он смущает меня, но я улыбаюсь.

Мне нравится самоуверенность молодых. В двадцать один год они говорят «первый раз в жизни» так, как будто это маститая старость.

– С праздником!

– И вас! Сережа купил мне букетик, – щебечет Ника. – Там женщина какая-то раздавала цветы и поздравляла с Троицей всех. Мне она тоже дала цветок. Так приятно. И еще нам встретила какая-то блаженная. Она сказала, что у нас с Сергеем будет сын. – Ника заливается счастливым смехом, явно ожидая, что я подхвачу и разовью тему наследников.

Я не подхватываю.

Я смотрю на сына – Сергей весел и спокоен. Для меня это важнее всего на свете. Его покой и мир – это мои покой и мир.

– Мам, – басит сын, – ты спрашивала, какие у Ники глаза... Они – сияющие.

Без комментариев, как говорится.

... Снова воскресенье. В скайпе видно, что в глазах у сына тоска, за мрачным видом угадывается душевная мука. За спиной знакомые шторы «мисс Хадсон» – значит, сын у себя.

Задать вопрос я не успеваю. Сын вываливает на меня свое горе:

– Мам, у Ники не один парень был. Трое.

Мне хочется сказать: «Очуметь! Когда только успела?», но я не даю словам сорваться с языка. Достаточно того, что осудила Кудряшку мысленно. Первое правило грешника: оправдывай другого, вини себя. Трудно, но возможно.

– Но ты же слышал, – возражаю сыну я, – она каялась на исповеди в этом. Властью, данной Богом, священник отпустил ей этот грех, так что...

– Да, но это слишком!

– А какая разница, сколько? Грех не измеряется в штуках. А что у нее кто-то был до тебя, ты знал с самого начала. Так ведь?

– Так, – соглашается сын. Но я-то знаю: это согласие внешнее.

В душе Сергея начинается борьба. В моей тоже...

– А чем занимаются родители Ники?

– Мама на пенсии уже. У отца какой-то бизнес. Вообще он врач.

– Интеллигентная семья, – замечаю я рассеянно. Меня волнует другое – душевное состояние сына.

– Мам, мне на литургии голос был. Сказал: «Оставь ее мне. Занимайся любимой историей».

Мое бедное материнское сердце катится в пятки.

– Сынок, – говорю я, – с нами, грешными, ангелы не разговаривают. Только лукавый.

Сын поражен:

– Даже в церкви?

– И в церкви тоже. Он с нами везде. Сынок, тебе пора причаститься. Постарайся на этой неделе.

Сын соглашается. Он вообще редко идет против моей воли. На моей памяти это случилось только дважды: когда Сергей уехал на работу в артель и сейчас, когда познакомился с Никой в интернете.

Разговор на какое-то время возвращает Сергею душевное равновесие. От меня, наоборот, спокойствие бежит. Я прощаюсь с сыном и сажусь читать акафист Николаю Чудотворцу.

«Отче Николае, если Ника – беда, отведи ее от сына!», – прошу я.

... В скайп Сергей выходит из квартиры Вероники, чем приводит меня в ужас.

– Почему ты не дома?

– Так получилось. – Голос у сына трагический. – Мам, Вероника лежала в клинике неврозов. Ее лечат сильными препаратами. И у нее было шесть парней. Она мне сама во всем призналась. Сказала, что Бог хочет, чтобы я все знал.

Смута в душе разрастается наподобие пожара. Моего сына, а следом и меня затягивает, как в трясины.

– Где Ника?

– Спит. У нее был нервный срыв, она плакала, кричала, на пол упала. Я ее перенес на постель.

– Сережа, – спокойно предупреждаю я, – так будет всегда. Эти истерики – это будет всегда. Сходи в церковь. Прямо сейчас иди. Поговори с любым батюшкой. Что он тебе скажет, то исполнишь. Это будет воля Божия.

Скайп гаснет, и я кидаюсь читать акафист Чудотворцу. Мне уже яснее ясного, что Ника – это беда.

«Отче Николае... – прошу со слезами, – отведи беду от сына».

Вернувшись из церкви Архангела Михаила, что рядом с домом Ники, сын снова выходит на связь. Кудряшка рядом с ним.

– Здравствуйте, Виктория Степановна. – Ника – воплощенная кротость. Голосок ангельский, как и личико.

– Здравствуй, Никуша. Как у вас дела?

– Плохо. Я ссорилась с Сережей.

– Да, я в курсе.

– Мы вместе ходили в церковь, – докладывает Никуша.

– И что сказал священник?

Вероника умолкает, предоставляя сыну право отвечать.

– Священник сказал, что это неважно, сколько мужчин было. Шесть или один. Грех он и есть грех. И сказал, что я пытаюсь пересмотреть отношения, поэтому ищу повод.

Я не могу обсуждать такие интимные подробности в принципе, а уж в присутствии Победительницы и подавно. Делаю усилие над собой.

– А ты сказал священнику, что Ника больна?

– Нет. Забыл, – отвечает сын.

Мне хочется закричать. Завыть. Но я снова молчу.

Из жалости, из соображений гуманизма, из этических соображений – Бог знает почему, но я ничего не могу сказать в присутствии Вероники.

Кстати, победительницей Ника не выглядит: крылышки поникли, глаза припухли. Не вызывает сомнений, что она плакала. Признание далось ей нелегко.

И снова я жалею Нику по-женски и по-матерински. И как грешница грешницу.

– Ника, – ласково говорю я, – не расстраивайся. Сергею нужно время все обдумать.

– Да! – Сын с благодарностью кивает мне в камеру.

– Почитайте вместе акафист Богородице Целительнице, – прошу я.

Нике предстоит разочарование: Сергей слушает свою маму, а не ее.

Дальнейшее я знаю со слов сына: Ника снова рыдает, отказывается читать акафист Целительнице.

– Тебе нужнее Бог, чем я! – выкрикивает она.

Снова слезы, снова катание по полу и звериный вой, от которого у сына кожа становится гусиной...

Глава 3

... Вопреки здравому смыслу следующий сеанс связи проходит снова из квартиры Победоносной.

Для меня это полная неожиданность – ведь мы условились, что сын возьмет тайм-аут.

Из-за плеча Сергея выглядывает кудрявая головка:

– Здравствуйте, Виктория Степановна!

– Здравствуй, Ника.

– Мам, Ника пригласила меня на дачу,– сообщает сын.– Хочет познакомить с родителями.

Не могу удержаться от замечания:

– Ваши отношения развиваются слишком стремительно!

Кудряшка воспринимает замечание как комплимент и весело хохочет.

Что-то мелькает у меня в голове. Смутная догадка о чем-то... В сознании вспыхивает предостережение: осторожно!

– Мне родители запретили привозить на дачу парней,– выкладывает Ника.– Папа сказал, что будет знакомиться только с моим женихом. Но я очень хочу на дачу, и уговорила родителей, чтобы они разрешили Сергею приехать.

Испытываю крайнюю степень смятения.

При девочке, которая сидит на антидепрессантах, сказать сыну «нет»?

К тому же он спит с ней!

Как специально, сын требует от меня откровенности в присутствии Вероники:

– Так я поеду?

– Ты же готовишься к причастию,– вспоминаю я.

– А мы вместе будем причащаться,– заявляет Ника.

Слова эти ласкают мой слух и убаюкивают бдительность.

– А там церковь есть?

– Есть! Там мужской монастырь в семнадцати километрах. Я попрошу маму, она нас отвезет на службу,– радуется собственной сообразительности Ника.

Сомнение отступает, как зверь по команде дрессировщика, становится ручным.

Я благодарю Бога за то, что у сына верующая девушка, и что они будут причащаться из одной чаши, с одной ложки. Именно об этом были мои молитвы.

И я отдаюсь на волю Божью:

– Поезжай, конечно, сынок!

Глава 4

... На дворе июнь. Петров пост.

В воскресенье я исповедуюсь и причащаюсь.

Своему духовному наставнику и руководителю, настоятелю церкви в честь иконы Казанской Божьей Матери иерею Николаю, рассказываю о своих терзаниях, о том, что сын познакомился с девушкой, а девушка больна.

– Болезнь, – говорит о. Николай, – это милость Божья. Молись. Все Господь управит.

После причастия на сердце у меня мир и покой. Я верю в промысел Божий и доверяю Отцу Небесному своего сына.

Читаю благодарственные молитвы, пью чай с медом и устраиваюсь под пледом на диване.

Позывной скайпа раздается в тот самый момент, как я погружаюсь в приятную дрему.

Едва сын успевает сказать «привет, мам», вступает Ника.

– Ой, Виктория Степановна! Здравствуйте! Мы такое пережили! – В голосе возмущение, личико возбужденное.

– Что такое?

Ника подобна шутихе.

– Мы были в Ферапонтовом монастыре, – выстреливает она. – Сережа хотел причаститься, его не допустили. Сначала меня тоже не допускали, но я сказала, что я болею, и меня причастили. Это ужас какой-то!

– А в чем ужас?

– Сейчас Сережа вам расскажет.

Сын получает возможность изложить свою версию событий:

– На исповеди я сказал, что живу с девушкой, а священник сказал, что это грех, что нужно воздерживаться до свадьбы. Спросил, готов я жениться или нет. Если нет, то надо прекратить отношения.

Сын выглядит обескураженным. Я испытываю мгновенную и острую радость, на смену которой приходит удовлетворение. Слава Богу за все.

Наконец-то!

Все так и должно быть.

– Сынок, но этого и следовало ожидать.

– Что за средневековье! – взрывается Ника. – Все так живут!

– Не все, – понимая тщетность, слабо возражаю я. – То, что вы делаете – это грех. Блуд. Что не понятно?

– Я не могу это слушать, – заявляет Ника и покидает комнату.

Мы с сыном получаем возможность обсудить случившееся.

– Что это за реакция? – шепотом спрашиваю я. – Сережа, она что, не понимает, что это грех?

– Я тоже не понимаю, – признается сын. – Священник сказал, что накладывает на меня епитимью.

Мне становится страшно.

– В чем выражается епитимья?

– Я не понял.

– А почему не спросил?

– Не знаю. Что делать, мам?

– Что делать? «Доверием Богу и смирением решаются все проблемы», – цитирую я Паисия Святогорца. – Будешь ходить в церковь, сынок, и молиться. С сегодняшнего дня начинай

читать покаянный канон Господу нашему Иисусу Христу. И готовься снова причащаться. Все Господь управит.

– А как с Никой нам быть?

– Сказал же вам священник: остановить грех. Священник! В монастыре! Это то же самое, что сам Господь сказал.

– Да это невозможно.

– Тогда реши, ты готов жениться или нет.

– Я готов, – говорит Сергей. В голосе не чувствуется твердости, но я списываю это на мужскую слабость и страх перед ответственностью.

– Тогда иди к отцу Ники, к Николаю Андреевичу, и говори ему об этом. Проси руку и сердце его дочери.

– Хорошо, прямо сейчас и пойду.

Сергей идет к отцу Ники с предложением руки и сердца. Для этого он понимается на второй этаж дома, где располагается кабинет отца семейства. Святая святых. Здесь царит тишина. Сюда не долетают отзвуки страстей с первого этажа.

Сергей выкладывает отцу Ники свои матримониальные планы. Отец, Николай Андреевич, отвечает, что это невозможно.

– Вероника на таблетках. – В силу профессии и обстоятельств Николай Андреевич занимается здоровьем дочери. – Через полгода дозировки будем понижать, Ника вылечится, тогда и вернемся к этому разговору.

Жених остается с носом.

Я ликую.

Ника в истерике.

Занавес.

Глава 5

... Возвращение в убитую съемную квартиру кажется благом.

Сын измучен душевно.

Обсуждаем подробности дачного происшествия.

Требование священника Ферапонтова монастыря становится уроком не только молодым. Не скрою, я тоже думала, что в двадцать восемь лет сыну можно уже стать «как все». Нельзя.

Если ты считаешь себя православным христианином, ходишь в церковь, исповедуешься и причащаешься, то не можешь вести себя, как язычник. Быть «верным» – это значит, жить по заповедям, отказаться от своей воли и своих страстей. Как это сделать в двадцать восемь лет? У меня и в пятьдесят пять не получается...

Слова священника и реакция дочери открывают глаза Евгении Ивановне на добрые отношения.

– Спасибо тебе, Сережа, – говорит она.

Оказывается, три года назад, когда у Ники случилась роковая любовь, с молчаливого согласия родителей она не появлялась домой по три дня кряду.

Всю обратную дорогу из монастыря Ника митингует:

– Дурацкий священник. Чушь! Дикость! Я не собираюсь его слушать!

Сергей пытается ее успокоить, но Ника впадает в еще больший раж.

В потоке обвинений прорывается фраза, засевшая сыну в голову: «Что, испугался? Не хочешь со мной до конца идти?» – чужим голосом спрашивает Кудряшка. Потрясающе. Под маской агнца прячется какая-то сущность...

– Сынок, это... Это не православная семья, – догадываюсь я.

Мы прощаемся, и я сажусь за акафист Николаю Чудотворцу. «Отче Николае, если Ника – беда, отведи ее от сына», – рефреном повторяю я.

Всего один неосторожный «клик» и такие последствия...

... К вечеру следующего дня напряжение усиливается.

«С тобой хочет познакомиться мама Ники, – получаю сообщение от сына. – Можно я дам твой телефон?»

У меня нет желания знакомиться с мамой Ники. Я не вижу в этом смысла. Зачем?

Та сторона настаивает. Как всегда Ника побеждает не числом, а умением: просит разрешения позвонить на скайп.

– Ладно, – со вздохом уступаю я, – пусть звонят.

Разговор начинается с расшаркиваний и комплиментов, быстро переходит к теме дня – монастырю и священнику, от него – к болезни Ники.

– Вероника росла в любви, – делится Евгения Ивановна.

Далее я узнаю историю заболевания. Е.И. обвиняет во всем молодого человека, с которым ее дочь встречалась. Даже демонизирует его, намекая на сглаз и порчу.

Я вежливо киваю.

– Я возила Нику в Сергиев Посад. Ника тогда была на препаратах, очень слабой, и заснула в дороге. И увидела сон: какая-то женщина в длинной одежде протягивает ей платок и говорит: «Наконец-то ты приехала. Я ждала тебя».

Сон меня поражает.

– Это Богородица, – соображаю я. – Ника, тебя Богородица ждет. Молись. Ходи в церковь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.